

О чём в эту минуту думал Хань Мин, Ань Ин не знал. Но чем дольше он говорил, тем отчётливее ощущал какую-то внутреннюю фальшь.

Пожалуй, сказались упорные тренировки: Ань Ин отчётливо чувствовал, что его контроль над врождённым талантом «Очарование» стал несравнимо сильнее прежнего. Теперь он мог в самый момент воздействия уловить, насколько глубоко цель поддавалась чарам, и сразу понять, удался ли его трюк.

Оценивая прежние неудачи сквозь призму нынешнего опыта, он начал подмечать детали, которые раньше ускользали от внимания, а теперь зыбкими тенями всплывали из памяти.

Он хорошо помнил, как пытался очаровать Дун Яо: тогда, несмотря на провал, он всё же ощутил мимолётное ответное сопротивление — глухую, непреклонную стену абсолютного равнодушия Восточного владыки. Но когда он нацелился на Лин Чжоу... Как бы Ань Ин ни напрягал память, вывод оставался прежним: он не почувствовал вообще ничего.

Ни единого всплеска, ни малейшей искры. И дело было не в холодном, гранитном безразличии Дун Яо и не в затаённом безумии Хань Мина. Лин Чжоу оставался абсолютно, пугающе пуст.

Словно у него вообще не было сердца.

А если прибавить к этому его давнюю фразу: «Мне казалось, я и так достаточно вежлив с людьми», да ещё эти невозможные золотые зрачки, которых просто не могло быть у обычного человека...

Странные слова, леденящая душу бесчувственность, запредельное могущество и этот неземной взор. Подобное сочетание невольно разжигало воображение Ань Ина.

Если бы у безликой Воли Вселенной когда-нибудь появилось человеческое обличье, оно, должно быть, выглядело бы именно так.

Впрочем, он тут же мысленно отмахнулся от этой нелепицы. О каком беспристрастном и нейтральном космическом разуме могла идти речь, когда Лин Чжоу проявлял такое маниакальное упорство по отношению к Хань Мину? На мгновение Ань Ин даже усмехнулся собственной глупости: надо же было нафантазировать подобное, точно начитавшись детских сказок.

Пока дипломат предавался самокритике, Хань Мин первым отвёл взгляд от Лин Чжоу и опустил глаза на запястье, где тускло мигнул коммуникатор, приняв два новых уведомления.

Первое сообщение пришло от Южного владыки, Нань Хэ:

«Луна блуждала во тьме слишком долго. Не пора ли ей вернуться домой?»

Хань Мин раздражённо цыкнул. Нань Хэ явно держал руку на пульсе и уже знал о случившемся в Восточном королевском дворце. Тот сразу понял, к чему клонится дело, и поспешил прощупать почву.

Однако когда Хань Мин взглянул на отправителя второго сообщения, выражение его лица стало ещё более сложным.

Имя отправителя гласило: Си Цзинь.

Тот самый тиран Западного сектора, чьё самодурство и жестокость давно наводили ужас на обитаемые миры.

За прошедшие годы Хань Мин получал бесчисленное множество приглашений от различных фракций и великих аристократов со всей галактики, но гордый Западный владыка до сих пор хранил молчание. Это было его первое прямое обращение.

Из любопытства Хань Мин коснулся экрана. Вместо привычных строк текста перед ним вспыхнула крошечная алая искра.

Она юрко пронеслась по дисплею, точно кончик невидимой кисти, и вывела ухмыляющуюся рожицу с высунутым языком и лукаво прищуренным глазом — то ли прицел, то ли откровенное издевательство.

Замысел, вероятно, предполагался забавным, но в кроваво-красном исполнении и под эгидой безжалостного деспота Западного сектора этот рисунок выглядел зловеще и дико.

Сразу под картинкой высветился прикреплённый билет на пассажирский лайнер, следующий прямым рейсом до главной звезды Западного сектора.

Время отправления — ровно полночь. Заказчик — лично Си Цзинь.

И больше ни единого слова.

Лаконично, но предельно ясно. Один лишь билет без лишней шелухи говорил о намерениях тирана красноречивее любых высокопарных речей. Да и время отправки не оставляло сомнений: весть о переполохе в Восточном королевском дворце уже долетела до самых окраин Западного сектора.

— Стоило мне на месяц отойти от дел, как Восточный королевский дворец превратился в решето, — не удержался от язвительного замечания Хань Мин.

Шпионы других секторов вынюхивают каждую мелочь, а что делает их хваленый Восточный

владыка?

Хань Мин перевёл взгляд на тренировочный зал, где раскинулись душные симулированные джунгли. Их здешний правитель, чья голова была забита исключительно глупой любовной чепухой, не просто отверг разумное предложение о передаче власти, но и устроил из-за этого банальную драку.

Неудивительно, что половина двора спала и видела, как бы усадить Хань Мина на трон вместо этого безумца.

Не обладай Дун Яо столь колоссальной личной силой, его правлению давно пришёл бы конец. Восточный сектор — суровое, гиблое место, кишачее свирепыми космическими тварями, и его жители преклонялись лишь перед абсолютной мощью. Но этот его наплевательский характер... С таким предводителем любой советник взвыл бы от безысходности, не видя впереди ничего, кроме неминуемой катастрофы.

Хань Мин прекрасно знал, что Дун Яо по своей натуре — одинокий, неприступный остров, которому нет дела до судеб подданных. Именно поэтому он постепенно передавал бразды правления Ань Ину, готовя его себе на смену в качестве нового Помощника Восточного владыки.

Мысленно перебрав имена тех, кто мог слить информацию другим звёздным секторам, Хань Мин набросал короткий список предателей. Нужно будет разобраться с ними перед уходом. Вот почему он терпеть не мог задерживаться на одном месте слишком долго.

Три года — достаточный срок, чтобы отказаться мириться с предначертанной гибелью Дун Яо и раз за разом выстраивать сложные схемы спасения этого упряма.

Но даже теперь, решив уйти, он не мог просто так повернуться и исчезнуть.

Хань Мин лениво пролистал бесконечную историю сообщений от Нань Хэ. Южный владыка из раза в раз, завуалированно или почти напрямую, призывал его бросить всё, вернуться в Южный сектор и занять место подле него.

К слову, гнездо древних космических монстров, которое он так упорно разыскивал, находилось как раз на границе между Восточным и Южным секторами.

Может, расправившись с надвигающимся великим сбором тварей, сразу уйти на юг? Прощаться с кем-либо он всё равно никогда не умел.

Размышления Хань Мина прервал очередной озадаченный шёпот Ань Ина:

— Они что, разыгрывают какой-то высокочеловеческий договорняк, который мне не под силу

разгадать? Рубятся так яростно, а на телах — ни единой царапины!

Вслед за дипломатом Хань Мин вновь посмотрел на арену.

Виртуальные джунгли дышали влажным летним зноем. Сквозь стрёкот невидимых цикад доносился яростный лязг сталкивающихся клинков. И в этом шуме Хань Мина внезапно осенила мысль, ускользавшая от него до сих пор.

За всё это время на нём самом не появилось ни единой раны.

Уникальный врождённый дар «Ниже лишь одного» даровал ему не только силу избранного покровителя, но и связывал их судьбы на физическом уровне. Все ранения, болезни и боль покровителя неизбежно проецировались на Хань Мина.

Поскольку мощь Дун Яо была колоссальной, коэффициент синхронизации при копировании едва перешагнул порог стабильности. В итоге Хань Мин перенял около шестидесяти процентов способностей владыки, но взамен был вынужден забирать на себя до сорока процентов его увечий и боли.

Дун Яо воевал самозабвенно и безумно, регулярно бросаясь в самую гущу сражений с космическими тварями, из-за чего в первые годы Хань Мин несколько раз оказывался на грани жизни и смерти. Не начини Восточный владыка со временем вести себя чуточку осторожнее, Хань Мину не помог бы даже портативный медицинский саркофаг.

Но если подумать... когда именно Дун Яо перестал приносить с полей сражений глубокие раны?

Год назад. Сразу после того, как его правое запястье пробило насквозь вражеским копьём.

В тот день Дун Яо закрыл его собой от верной гибели. И после этого случая неистовый воин перестал лезть в ближний бой со своими излюбленными парными кинжалами, всё чаще подавляя врагов на расстоянии с помощью врождённого таланта «Узурпация».

И Лин Чжоу.

С того самого момента Лин Чжоу неизменно следовал за ним на любую передовую. Стоило обернуться — и за спиной всегда безмолвной тенью стояла его грозная фигура.

Когда эта истина окончательно оформилась в его сознании, Хань Мин посмотрел на бьющихся в тренировочном зале мужчин совсем другими глазами. И наконец понял, что именно казалось ему странным с самого начала.

Оба сражались в полную силу, обрушивая друг на друга сокрушительные удары.

Однако каждый раз, когда Дун Яо по своей извечной привычке шёл на опасное сближение, готовый подставиться ради смертоносного выпада, он в самый последний миг резко менял траекторию, тратя безумную атакующую мощь своего дара лишь на то, чтобы избежать ответного пореза.

Что же касается Лин Чжоу... Обладая феноменальной скоростью, он упускал одну верную возможность за другой. Всякий раз, когда его лезвие должно было рассечь плоть Дун Яо, он едва заметным движением уводил остриё в сторону, не позволяя пролить ни единой капли крови соперника, ведь это тут же отозвалось бы болью в теле Хань Мина.

Заметив это и вспомнив суть собственного таланта, Хань Мин всё понял.

В следующее мгновение, когда их клинки вновь должны были сойтись, Хань Мин резко снял защитный барьер арены и метнул короткий кинжал. Оружие со свистом рассекло воздух и с чистым звоном ударило точно в место скрещения их мечей, заставив обоих бойцов мгновенно отпрянуть друг от друга.

— На этом закончим, — холодно бросил Хань Мин.

Ему больше не нужны были никакие доказательства.

Отношение Дун Яо, негласные рамки Лин Чжоу — всё стало предельно ясно в тот момент, когда эта величайшая битва превратилась в нелепый спектакль, где оба бойца были связаны по рукам и ногам.

Хань Мин поднял руку. С помощью скопированного таланта «Узурпация» он мгновенно разредел воздух перед собой, и отлетевший кинжал послушно вернулся прямо ему в ладонь. Перехватив рукоять, он вперил холодный взор в Дун Яо, чьё лицо всё ещё дышало яростью схватки.

Но Восточный владыка лишь тихо, хрипло рассмеялся.

Точно так же, как смеялся тогда, стоя у окна дворца.

О каких проверках могла идти речь, если этот гордец даже бровью не повёл, видя, как посторонний свободно распоряжается его собственным врождённым даром?

Пройдя вместе сквозь пламя бесчисленных войн, Хань Мин искренне верил, что обрёл в лице Дун Яо единственного близкого друга. Но тот никогда не желал довольствоваться ролью товарища.

Громкий праздничный банкет, транслируемый на весь сектор, был не чем иным, как ультиматумом потерявшего терпение правителя. Стоило Хань Мину явиться туда и принять поздравления, как вся вселенная поняла бы: обратного пути нет. Его лишили бы выбора, привязав к Восточному сектору навечно.

В этом заключалась неприкрытая, безжалостная стратегия Дун Яо. Такой уж у него был нрав: если этот хищник наметил себе добычу, он не разомкнёт челюстей, пока не переломает ей кости и не подчинит своей воле полностью.

Поэтому их поединок с самого начала был лишён всякого смысла.

Дун Яо вовсе не лишился рассудка от гнева. Напротив, он действовал абсолютно хладнокровно.

Он творил это безумие в полном сознании.

Осознав это, Хань Мин решил не тратить слова впустую. Развернувшись, он направился к выходу из тренировочного зала.

Но стоило ему сделать шаг, как из полумрака симулированных джунглей, прислонившись к стволу исполинского дерева, Дун Яо негромко позвал его:

— Хань Мин.

Хань Мин замер.

— Десятого октября, — раздался хриплый голос владыки. — Какой подарок ты хочешь получить?

«Десятое октября... К тому времени меня уже вряд ли застанут в Восточном секторе».

Поскольку скрывать намерения больше не имело смысла, Хань Мин, даже не оборачиваясь, сухо и ровно произнёс:

— Через неделю я уйду.

Если исходить из времени восстановления способностей Ань Ина, то к восьмому октября дипломат снова сможет применить «Очарование» на космических тварях. Тогда Хань Мин уведёт его к пограничной зоне, чтобы отыскать и уничтожить логово монстров, раз и навсегда решив проблему миграции чудовищ. Вернётся ли он после этого назад — он не знал. А потому и пустые разговоры о подарках были бессмысленны.

В ответ послышался тихий смешок Дун Яо, в котором сквозило что-то странное и вязкое.

— Хорошо, — глухо отозвался правитель.

И прежде чем Хань Мин успел сделать следующий шаг, вслед ему полетели последние слова владыки:

— Но запомни... Я не потерплю нелепых исчезновений и побегов без предупреждения.

Хань Мин на мгновение помедлил. Но так и не обернулся, продолжив свой путь к выходу из тёмного зала.

<http://bllate.org/book/18306/1755326>